

Глава из книги

(Начало в №№ 39, 45, 51, 63, 81, 88, 99 за 2004 год, 5, 18, 25, 46, 57, 73, 96 за 2005 год, 17, 33, 77 за 2006 год, 16, 86 за 2008 год)

20

В августе 1879 года в этой квартире, расположенной в доме Саперного переулка (это неподалёку от Невского проспекта и Николаевского вокзала), поселились жильцы-«невидимки» – супруги Лысенко. Нет, муж и жена не носили шляп, делающих их невидимыми. Просто они представляли тайную организацию, в уставе которой было записано: «Исполнительный Комитет должен быть невидим и недосыгаем». Жильцы являлись членами Исполнительного Комитета и уставное требование соблюдали неукоснительно. Они имели поддельные документы, чтобы быть вне поля зрения жандармов, полиции и агентов Третьего отделения, которыми была буквально наводнена Северная столица Российской империи. Чета производила весьма благоприятное впечатление. Аристократического вида муж и светловолосая, приветливая жена, казалось, жили душа в душу в семейном уединении. В гости к ним почти никто не ходил, и сами они, судя по всему, светских визитов сторонились. Городская суета была явно не для них, иначе они не выбрали бы для проживания тихий и почти безлюдный петербургский закуток, каким являлся Саперный переулок. Никому и в голову не могло прийти, что под видом приятной и добропорядочной семейной пары скрываются «опасные государственные преступники» – народовольцы, настоящие фамилиями которых были Н. К. Бух и С. А. Иванова.

При заселении в квартиру вместе с мебелью были завезены тяжелые сундуки, которые кому-то могли представиться свидетельством достатка новых жильцов. На самом деле в сундуках находилось оборудование небольшой типографии американского производства. Вскоре жильцов квартиры в Саперном прибавилось: к прописанным супругам тайно подселились два незарегистрированных лица. Настоящая фамилия одного была С. Н. Лубкин, другого – Л. И. Цукерман. Оба они имели немалый опыт работы в подпольных типографиях. Причем, Лейзер Цукерман к тому моменту уже успел побывать в эмиграции и в Женеве вступить в Русскую секцию I Интернационала. На этот раз условия жизни у обоих были особые. Никто, кроме нескольких лиц Исполнительного Комитета, не должен был знать о месте их пребывания. Квартира в Саперном становилась одной из самых законспирированных в Петербурге. Связано это было с тем, что здесь должна была подпольно выпускаться газета, которой отводилась роль печатного «голоса» невидимого Исполнительного Комитета, объявившегося в России для исполнения страшной миссии – физической ликвидации царя-освободителя.

Поначалу Исполнительный Комитет очень многим в Российской империи казался не более чем призраком, рожденным воображением революционно настроенной молодежи и существовавшим лишь на бумаге газеты, которая называлась, как и тайная организация, – «Народная Воля». Первый её номер, набранный и отпечатанный в Саперном переулке, вышел в начале октября 1879 года и стал полной неожиданностью для шефа жандармов А. Р. Дрентельна, который докладывал Александру II: «С тяжёлым и скорбным чувством вижу себя обязанным... донести... что вчера появился первый номер новой подпольной газеты под названием «Народная Воля» ... самый факт появления подпольной газеты представляет явление в высшей степени прискорбное, а лично для меня крайне обидное. Все соединенные усилия Третьего отделения и городской полиции... в деле открытия тайной типографии не привели ещё ни к какому результату». Александр II, ознакомившись с донесением, пометил на его полях: «Да, оно, действительно, и стыдно, и досадно!»

С подпольной типографией нужно

было покончить как можно быстрее. Это было доведено до сведения всех жандармов и петербургских полицейских. Градоначальник Северной столицы пригрозил приставам: если подпольная типография будет найдена на их участке, но без их ведома, они будут наказаны. А Третье отделение предложило своим агентам представить себя в роли революционеров, подыскивающих место, где можно было бы подпольно выпускать газету «Народная Воля». Но все предложения агентов никакого результата не дали. Так тянулись неделя за неделей, пока не пришел ноябрьский день, который мог трагически оборваться для Александра II.

Государь возвращался из Крыма в Петербург железной дорогой и не знал, что Исполнительный Комитет разработал план подрыва императорского поезда. В трех местах возможного пути его следования под железнодорожное полотно были заложены мины большой мощности. Две точки подрыва были выбраны на юге России, третья – в трех верстах от Курского вокзала Москвы. Именно здесь, практически в городской черте первопрестольной, 19 ноября сработало взрывное устройство. Мощным взрывом был опрокинут багажный вагон

ные покои, состоящие из двух комнат, то обнаружил бы, что здесь с утра до вечера идет работа наборщика и печатника подпольной типографии, в которой готовились новые воззвания и очередной номер газеты «Народная Воля». Но сюда никто из посторонних не заглядывал. Если же для исполнения своих обязанностей приходил полтер, то все следы подпольной деятельности в супружеских покоях исчезали, а наборщик и печатник уходили на весь день гулять по Петербургу, принимая вид довольных жизнью обывателей.

Во все другие дни обитатели квартиры придерживались жесткого распорядка, в котором на первом месте была работа. Отдых допускался лишь в обед да во время вечернего чая. Собравшиеся за обеденным или вечерним столом были немногословны. По условиям конспирации они даже не знали настоящих фамилий друг друга, поэтому оживленные беседы не очень-то клеились. Шумно и весело в моменты общего застолья стало здесь лишь тогда, когда в конце ноября в квартире поселилось еще двое жильцов-«невидимок». По документам они значились супружеской парой Хитрово. Но в действительности это были члены Исполнительного

лог с людьми. Во время спиритических собраний, проводившихся обычно вечером и при свечах, духи могли откликнуться чьими-то голосами. Случалось такое, правда, редко. Чаще всего общение с потусторонними «визитерами» происходило либо при помощи стуков (количество стуков соответствовало определенной букве алфавита), либо использовалось золотое кольцо, подвешенное на шерстяной нитке (раскачиваясь, оно указывало на букву, написанную на бумаге), либо требовалось обычное блюдо с обозначенной чернилами чертой. Блюде вертелось в руках спиритов, при этом черта играла роль указателя букв, из которых складывались слова.

В девятнадцатом веке неувимые

Библейский Моисей со скрижалями 10 заповедей. Гравюра Гюстава Дорэ.

Шлиссельбургский ключ

состава, а остальные сошли с рельсов. Вскоре выяснилось, что подорванным оказался свитский поезд, а императорский благополучно миновал это место чуть раньше. Очередное покушение на жизнь Его Императорского Величества не достигло своей цели лишь по случайному стечению обстоятельств. Если бы мина взорвалась под царским поездом, то взорванным был бы как раз тот вагон, в котором находился Александр II с семьей.

Государь чудом остался жив. Благодарственные молебны по сему радостному случаю стали торжественно звучать во всех православных храмах России. Молились и аристократы, и чиновники, и обыватели-мещане. Правда, желанного душевного покоя это не приносило. Казалось, что волна страха, зародившаяся от взрыва под Москвой, прокатилась по всему самодержавному государству. Исполнительный Комитет, призрак притаившийся в Северной столице, то и дело напоминал о себе печатными воззваниями, сообщавшими после неудавшегося покушения, что отныне в империи действует трибунал, приговоривший к смертной казни российского самодержца. Приговор, несмотря ни на что, будет приведен в исполнение. После подобных угроз все силы Третьего отделения и полиции были брошены на то, чтобы денно и нощно искать ниточки, ведущие к призраку, именуемому Исполнительным Комитетом. Петербург стал напоминать улей, разбуженный недобрым человеком. На улицах в глазах прохожих читалась неподдельная тревога: террористы могли ходить рядом с ними, готовя новое покушение на царя. Полицейские и жандармы задерживали любого, кто вызывал хотя бы малейшее подозрение.

Волна неприятности накатила и на Исполнительный Комитет. Начались провалы конспиративных квартир и аресты народовольцев. Единственным утешением было то, что в «полицейские сети» попадались лишь рядовые члены «Народной Воли». Сам Исполнительный Комитет оставался по-прежнему «невидимым и недосыгаемым». Вне подозрений была и квартира в Саперном переулке. Здесь жизнь текла в привычном спокойном и размеренном ритме. Казалось, ничто не волновало супругов Лысенко. Если бы кто попал в гостиную квартиры, то ни одной секунды не усомнился в благонамеренности её хозяев. В комнате – уют, на полу ковёр, всюду салфетки, а на стене – портрет Александра II. Правда, если бы посетитель неожиданно прошёл в супружеские спаль-

Комитета — Николай Морозов и Ольга Любатович. В те годы многие молодые люди из «Народной Воли» заключали фиктивные браки ради облегчения жизни в условиях конспирации. Однако нередко случалось так, что числившиеся лишь по документам супруги начинали жить настоящей супружеской жизнью. У Николая и с Ольгой произошло именно это.

Они впервые встретились в 1878 году и влюбились друг в друга, как Ромео и Джульетта, с первого взгляда. Почти год они сдерживали свои чувства. Но потом любовь взяла верх. В ноябре 1879 года Ольга поняла, что беременна. Исполнительный Комитет принял решение переправить супругов Хитрово в Женеву, чтобы избавиться будущую маму от угрозы ареста и дать ей возможность подготовиться к родам. Эти планы едва не сорвались. 24 ноября Ольга и Николай были задержаны в квартире, где проживали. Чета оказалась находчивой. Пока несколько полицейских отправилась в участок выяснять их личности, а другие их караулили, супруги, усыпив бдительность стражей порядка, сбегали, оставив полиции на память свои пальто и теплую обувь. После этого нужно было найти надежное место, где супруги могли бы переждать полицейский переполох, вызванный их исчезновением. Исполнительный Комитет поселил Николая и Ольгу в квартиру на Саперном переулке.

Сюда-то неожиданно-негаданно, будто из снежной круговерти за окном, и заглянул загадочный «гость», о котором Морозову пришлось вспомнить, уже находясь в шлиссельбургской тюремной одиночке. В отличие от народовольцев, «визитер» не по уставу, а по природе своей был невидим и недосыгаем ни для кого. Ни одна полиция мира никогда не смогла бы его изловить. По латыни он назывался SPIRITUS, а по-русски – ДУХ. Издания того времени пестрели сообщениями о подобных «гостях», которым нельзя было пожать руку, пригласив в гостиную для обычного разговора о погоде, о самочувствии и здоровье родственников. Светские беседы не очень-то волновали «визитёров» не от мира сего. Их явление могло произойти совершенно спонтанно и без чьего-либо приглашения, но чаще всего они предпочитали обнаруживать себя на спиритических сеансах, на которых ДУХИ-НЕВИДИМКИ демонстрировали свои возможности. Будучи бестелесными и призрачными, они были способны двигать столами, стульями, креслами, производить странные шумы и стуки. Но наибольший интерес они вызывали тем, что вступали в диа-

ДУХИ впервые громко заявили о себе в марте 1848 года на ничем не примечательной ферме глухого поселения штата Нью-Йорк. О странных событиях на ферме сообщили газеты, и туда длинной вереницей потянулись желающие увидеть спиритические чудеса воочию. Духи удовлетворяли любопытство всех желающих. Так началось повальное увлечение спиритическими сеансами. Популярность «гостей» из потустороннего мира в 70-е годы девятнадцатого века далеко опережала интерес к призраку коммунизма, усталой тенью бродившему по Европе после поражения Парижской коммуны. Как писала одна из английских газет, к 1874 году число верующих в реальность спиритических сеансов выросло до 10 миллионов граждан Америки и 5 миллионов европейцев. Никакие предостережения католической и православной церквей не могли остановить спиритическую лихорадку. В сеансах спиритов хотели участвовать как приверженцы разных религий и убеждений, так и представители разных сословий. Спиритические увлечения были столь заразительны, что перед искушением пообщаться с каким-нибудь духом не могли устоять ни республиканец, президент США Авраам Линкольн, ни противник республиканского строя, самодержец Российской империи Александр II. Даже отдельные ученые участвовали в спиритических посиделках и подтверждали реальность тех «игр», которые устраивали людям духи. И хотя газеты писали о случаях мошенничества со стороны спиритов, тем не менее переубедить сторонников спиритизма подобные публикации не могли: фактам обмана противостояли примеры честно проведенных спиритических сеансов. Вот об этом-то и пришлось задуматься шлиссельбургскому узнику, когда он начал описывать всё происшедшее в квартире Саперного переулка во время вечернего чая.

Заводная по характеру Ольга Любатович делала всё, чтобы растормошить компанию интересным разговором. Николай Морозов всячески её поддерживал, поскольку мог вести беседу на любую тему. Он был одним из двух редакторов газеты «Народная Воля», сотрудничал в нескольких легальных газетах, в этом качестве был вхож во многие петербургские салоны и потому был в курсе всех новостей. Само собой получилось, что за столом всплыла модная тема спиритических сеансов. Николай Морозов сказал что-то насмешливое по этому поводу и вдруг с удивлени-

ем услышал возражение со стороны супруги. Ольга совершенно серьезным тоном заметила, что она тоже прежде смеялась над спиритическими сеансами, а затем убедилась в правдивости спиритов. В доказательство своей правоты она предложила супругу сейчас же проделать опыт. Морозов согласился, не преминув заметить, что сеанс едва ли будет успешен, потому что к нему надо «приступить с верою», а веры у него как раз нет.

– А вот совсем и не нужно никакой веры! – воскликнула Ольга. – Сейчас всё увидите сами!

Она убежала в соседнюю комнату и быстро возвратилась с чайным блюдцем в руке. На краю его она провела черту, а на листе бумаги написала полный алфавит. Блюдце было положено на бумагу поверх дном. Теперь нужно было соединить крайние пальцы супругов вокруг блюдца и ждать, когда оно начнет вертеться после того, как будет вызван дух умершего. Либо по правилам спиритических сеансов можно было спросить, какой дух присутствует в данном месте и в данную минуту. Морозов выбрал последнее и спросил: «Кто здесь присутствует сейчас?»

Дальше пальцы супругов в напряжении сжали блюдце, но оно долго лежало неподвижно. Морозов уже был готов торжествовать, глядя на Ольгу, но вдруг, как писал шлиссельбургский узник, вспомнившая этот вечер, «минут через пять или десять блюдце, к моему изумлению, начало двигаться по бумаге и без малейшего ощутимого усилия с моей стороны начало описывать на листе всевозможные вензеля. Вот черта на блюдце остановилась на букве М, блюдце снова описало несколько кругов, черта остановилась на О, и через несколько минут получился ответ».

Присутствующие за столом «опасные государственные преступники» с удивлением прочитали имя духа: М-О-И-С-Е-И! Теперь уже Ольга, не скрывая торжества, смотрела на супруга. Каково! Сам автор библейского «Пятикнижия» вышел с ними на связь. Его можно было спросить о чем угодно, даже об Эдеме – неразгаданной тайне, волнующей человечество уже три с лишним тысячелетия. Но народовольцев интересовал другой жизненно важный для них вопрос, и они его задали духу: «Когда будет арестована наша типография?»

Виктор МЕЛЬНИК

(Продолжение следует)